

БИТВА ПРИ АНКАРЕ 1402 Г. В ВОСПРИЯТИИ ВИЗАНТИЙЦЕВ

Аннотация: В данной статье рассматривается взгляд византийцев на битву при Анкаре 1402 г., которая произошла между эмиром Тамерланом и османским султаном Баязидом I. Это сражение упоминается в трех малоизученных византийских сочинениях, написанных современниками тех событий. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что византийцы воспринимали Ангорскую битву как божественную волю и чудо Богородицы, которая, направив одного варвара против другого, спасла Константинополь от османских войск, державших город в осаде в течение восьми лет. Придав конкретным историческим событиям метаисторическое значение, византийские авторы создали исторический миф, задачей которого являлось поддержание веры людей в жизнеспособность погибающей империи.

Ключевые слова: Византия, османы, осада Константинополя (1394–1402), Баязид I, Тамерлан, Мануил II Палеолог, битва при Анкаре

Об авторе: Александр Юрьевич Чернов, аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991 Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4., alexandros4ernoff@gmail.com

Неразрывная связь истории и идеологии характерна не только для современного мира, но и для далекого Средневековья, когда не существовало средств массовой информации и политической пропаганды как таковых. В то время в качестве господствующей идеологии на территории Европы выступало христианство, понимающее исторический процесс как реализацию божественных целей. Эти цели скрыты от понимания людей, которые по причине своей греховности не видят за своими поступками желания Всевышнего [3:48]. По этой причине считалось, что история необычайно важна для настоящих и будущих поколений христиан, так как она

имеет большое дидактическое значение и содержит в себе ключ к пониманию божественной воли. Рассматривая прошлое под таким углом, средневековые авторы наделяли исторические события высшим «метаисторическим» смыслом и таким образом создавали исторические мифы, нацеленные на поддержание христианского картины мира в целом и отдельных традиций в частности.

Подобное отношение к истории свойственно и византийской исторической мысли, соединившей античное наследие с христианским мировосприятием. По мнению австралийского византиста Р. Скотта, византийская историография является «разновидностью пропаганды или рекламы (даже если это честная реклама)»[34:71], в основе которой лежит христианский взгляд на историю как воплощение предначертанного Богом плана. Византийские авторы, описывая события прошлого, «пропагандируют» христианское учение и актуализируют его для современников. Так, согласно Льву Диакону, «история словно воскрешает или вдыхает новую жизнь в умершее...» «...и учит людей одно одобрять и ставить себе в качестве образца, другого же гнушаться и избегать, чтобы не осталось в неизвестности и проводилось в жизнь все полезное и ценное и чтобы никто не делал попыток ввергнуть себя в ужасные и вредные начинания» [4:7].

Склонные к морализаторству византийские писатели на протяжении всего существования империи стремились посредством истории показать величие своего государства и доказать правоту христианства. Это стало особенно актуальным в период политической агонии Византии, когда турки-османы практически завоевали Балканы и покорили многие православные народы. В конце XIV в. они оказались уже под стенами Константинополя с твердым намерением полностью уничтожить византийскую государственность. Инициатором осады города выступил османский султан Баязид I (1389 – 1403),

желавший наказать своего вассала византийского императора Мануила II Палеолога (1391 – 1425) за непослушание. Поводом для начала военных действий стало то, что Мануил II, отвергнув требования султана, отказался допустить в столицу османского судью и продолжил восстановление городских оборонительных сооружений [9; 21; 28]. В результате турки блокировали Константинополь как с суши, так и с моря, надеясь взять его измором [10:39-40].

Первая османская осада продлилась восемь лет и стала самой продолжительной за всю историю Византии. Датой начала осады принято считать сентябрь 1394 г. (хотя некоторые источники относят ее к началу/концу 1395 г.), а окончания – июль 1402 г. [33:352-353]. Византийцам с большим трудом удалось отстоять Константинополь благодаря военной и продовольственной помощи союзников, французов и итальянцев. При этом население столицы значительно сократилось из-за голода и эпидемии, случившихся во время и вследствие блокады [9:50]. По этой причине у империи не хватало собственных сил на то, чтобы дать отпор османам. Однако ситуацию спасло вторжение в Малую Азию среднеазиатского правителя и великого эмира Тамерлана (1370 – 1405), вынудившее турецкого султана покинуть византийскую территорию и отправиться с армией на оборону восточных рубежей. 28 (20) июля 1402 г. состоялось знаменитое сражение при Анкаре между Тимуром и Баязидом I, которое завершилось полным поражением турок и уничтожением османской армии. Это событие повлекло за собой политический кризис и продолжительную гражданскую войну (1402 – 1413) в Османской державе, ослабление которой не только спасло Константинополь, но и принесло еще немало выгод византийцам [19].

Традиционно историки судят об отношении византийцев к этой битве по сочинениям историков Дуки [12] и Лаоника Халкокондила [21], которые написаны довольно поздно, уже после падения Константинополя в 1453 г. Однако до нас дошли три интересных и малоизученных источника, которые

отражают взгляд современников на сражение 1402 г. Эти тексты показывают, как византийцы воспринимали Ангорскую битву и какое значение они ей придавали. Их авторы, как прочие средневековые историографы, наделяют рассматриваемое событие высшим «метаисторическим» смыслом, превращая повествование в исторический миф. В данном исследовании предпринимается попытка рассмотрения этого византийского мифа и определения ценности, которую он представлял для византийского сознания.

Битва при Анкаре упоминается в следующих источниках: «Благодарственном слове Богородице» константинопольского ритора Димитрия Хрисолоры (до 1360 – после мая 1416), пространном рассказе об осаде Константинополя Иоанна Хортасмена (ок. 1370 – ок. 1436/37) и анонимном «Плаче о Тамерлане». Первый текст дошел до нас в единственной рукописи (Escorialensis 164 (Т.III.4)), которая датируется первой четвертью XV в. и хранится в Королевской библиотеке Эскориала в Мадриде [33:510-511]. Он был опубликован ученым П. Готье параллельно с переводом на французский язык [13:340–357]. По мнению П. Готье, гомилия Димитрия Хрисолоры была приурочена к первой годовщине битвы при Анкаре (28 июля 1403 г.) и произнесена им в храме Божией Матери Диакониссы в Константинополе [13:342-343].

Написанный византийским интеллектуалом Иоанном Хортасменом пространный рассказ об осаде Константинополя известен в двух списках: первый (Vindobonensis Suppl. gr. 75) находится в Австрийской национальной библиотеке и датируется 1400 – 1433 гг. [17:52-53], второй (Ambrosianus O 123 sup. (gr. 598)) — более поздний, XVI в., хранится в Амброзианской библиотеке в Милане [25:689-694]. Первый манускрипт — автограф Иоанна Хортасмена — лег в основу критического издания, подготовленного П. Готье [14:100-117]. Французскому византинисту также удалось датировать сочинение 1405 – 1411 гг. [14:100-101]. Однако он выразил сомнение в авторстве Иоанна Хортасмена,

которое изначально было установлено Г. Хунгером [15:280-281]. Впоследствии австрийский ученый принял мнение П. Готье и исключил рассказ из перечня трудов византийского интеллектуала [16:60]. Между тем румынский исследователь Д. Нэстасе оспорил утверждение об анонимности источника и сумел убедительно доказать его принадлежность Иоанну Хортасмену [27:389-404].

Победе Тимура над Баязидом I посвящена короткая анонимная византийская поэма с характерным названием «Плач по Тамерлану». Единственная рукопись (Parisinus graecus 2914) была создана не позднее 1443 г. и хранится ныне в Парижской национальной библиотеке [29:58]. По мнению В. Вагнера, дважды издававшего текст поэмы, в 1870 и 1874 гг. [26:28-31], сочинение было написано, скорее всего, гораздо раньше даты, указанной на манускрипте.

Любопытно, что все три текста объединены одной идеей, суть которой заключается в причастности к Ангорской битве божественных сил, т.е. налицо ее «метаисторическое» значение. Сначала авторы заявляют о главной цели своего повествования – прославлении «чудных дел» Пресвятой Богородицы [13:349-350(1-34); 14:102(11-16); 11:28(8-10)]. Это связано с издавна существовавшей в Константинополе традицией почитания Богородицы как небесной защитницы города. Она берет свое начало после аваро-славянской осады 626 г., первой варварской осады византийской столицы, события которой подробно описаны в гомилии Феодора Синкелла [7:371-395; 24:73-117]. Тогда по инициативе константинопольского патриарха Сергия I (610–638) снятие осады и победа над врагом были впервые приписаны образу Девы Марии, чье личное присутствие на поле боя, как верили горожане, решило исход сражения в пользу византийцев [30:4-5].

Устойчивость этой традиции обусловлена особенностью менталитета византийцев, которые воспринимали каждую осаду «царственного града»

иноземными войсками через призму эсхатологии. Существовал особый жанр пророческой литературы, повествующий о том, как в результате нападения варварских народов погибнет империя ромеев и падет её главный город Константинополь [2:5-329; 6; 10]. Эти пророчества выработали целую систему указывающих на конец времен знамений, важнейшим из которых было разрушение византийской столицы [23:126]. По этой причине для жителей империи заступничество Богоматери имело столь большое значение. Оно выступало своего рода символом и гарантом могущества и незыблемости Византийского государства. Это подтверждает тот факт, что в IX – XII вв. образ Богородицы как небесной защитницы Константинополя окончательно утверждается в литургической и церемониальной жизни столицы. Константинопольская церковь окончательно объединяет торжественное богослужение Субботы акафиста с памятью о чудесах, совершенных Девой Марией во время вражеских осад [30:22-27]. В свою очередь императоры активно используют богородичную икону в церемониальных процессиях, она сопровождает их в военных походах, оберегая армию от вражеского нападения [18:57-75].

Что касается рассматриваемых источников, они относят Ангорскую битву 1402 г. и победу Тамерлана к чудесам Богоматери. Полностью «метаисторический» смысл сражения раскрывается авторами только в контексте описания османского войска и его предводителя, султана Баязида I, а также всех бедствий, которые христиане претерпели из-за турок. Таким образом, византийцы смотрят на событие, не имеющее к ним прямого отношения, исключительно со своей колокольни, вписывая его в божественный план.

Образа врагов, османской армии и султана, во многом представляет собой литературный топос, «образцовый портрет», использующийся на протяжении столетий византийскими авторами для характеристики варваров[22;

1]. При этом, несмотря на то, что сочинения Димитрия Хрисолоры и Иоанна Хортасмена написаны в соответствии с литературными нормами классической античной прозы и основаны на принципе подражания («мимесиса») древнегреческим риторам и историографам, они отражают вполне христианское восприятие противника-иноверца, берущее свое начало в библейских текстах. В частности, проповедь Димитрия Хрисолоры изобилует ветхозаветными аллюзиями. Нападение турок на Константинополь представляется как «Божий гнев», «великий потоп» [13:350(30), 356(138)]. Османы зовутся «иноплеменниками» (Суд. 13:5) [13:350 (32-33,53), 352(92), 354(107)], «чужеземными народами», «иным Фараоном», гибнущим во спасение нового Израиля [13:352(85,90)]. Им, как и всем варварам, присуща «дикость», «звериная природа» [13:354(124)].

Перед Иоанном Хортасменом и автором «Плача по Тамерлану» стояла задача подчеркнуть религиозный антагонизм между византийцами и турками, поэтому последних они называют «безбожным народом», «агарянами», «кровожадными убийцами», «нечестивыми» [14:102(17,25), 104(13,34)], или «безбожным сынами Агари» [11:31(86,89)]. Дело в том, что термин «агаряне» или «потомки Агари» изначально в христианской традиции применялся по отношению к арабам как народу, происходящему от Измаила, сына ветхозаветного пророка Авраама и рабыни-египтянки Агари. В византийской литературе им стали обозначать всех мусульман. С XI в. образ «агарян», изначально относящийся к арабам, был перенесен на тюрок [32:89-96].

Наиболее одиозным в источниках показан султан Баязид I, главный виновник осады Константинополя (1394 – 1402). Иоанн Хортасмен, используя черты античной маски *miles gloriosus*, адаптированной византийскими писателями для характеристики варваров, рисует образ аморального человека «опередившего всех людей нечестивостью, распущенностью и прочими пороками»

или «нечестивейшего варвара», который «превозмог в подлости негодяев» [14:104(20-21,25-26,29)]. По мнению автора, «вождя агарян» обладал непомерными амбициями, которые названы «великой дерзостью, превосходящей безумие», «ожиданиями безумца», «мечтателя и воображалы» [14:108(10-11,34-35)], который, всерьез намерен «захватить наш город и все имеющиеся у нас святыни и прежде всего великий храм Премудрости Бога-Слова превратить в место для соборща агарян, и заставить весь христианский народ наш отречься от веры во Христа» [14:108(18-21)].

Подобную характеристику султана можно найти и в «Плаче по Тамерлану». Автор пишет: «потомок Агари по имени Баязид, хвастливый на словах», напав на Константинополь, заявил во всеуслышание, что после захвата города «храм святой Софии тут же мечетью» сделает, молодежь до тридцати лет обратит в «веру Мухаммада пророка», а тех, кто же старше тридцати и исповедует христианство, «предаст мечу» и таким образом «сотрет с лица земли имя ромеев» [11:28-29(13-14,17-29)].

Дальше идет только Димитрий Хрисолора, который облакает Баязида I в образ антихриста из «Апокалипсиса» Иоанна Богослова. Он называет его *великим драконом* (Откр. 12:3) и «неправедным богохульником», который «разинул свою пасть, надеясь всех (христиан) пожрать и *говоря богохульно...*» [13:350(37-40), 352(72)]. Так, султан предстает перед нами в виде двух ипостасей сатаны, дракона и зверя, который имел *богохульные имена на голове* (Откр. 13:1) и *уста, говорящие гордо и богохульно* (Откр. 13:5). Ими он производил *хулы на Бога, чтобы хулить имя Его* (Откр. 13:6). Демонический облик турецкого властителя дополняет привычная для античной литературы характеристика его как «тирана», который своим неправедным судом «осуждает целый народ на гибель» и самовольно «желает сбросить венец Римейского царства» [13:350(42-43,47-48)].

Гиперболизированный образ османов старательно создается византийскими авторами с целью произвести впечатление на читателя и обратить его внимание на исключительную важность Ангорской битвы в череде событий 1394 – 1402 гг. Чем ужаснее образ турок-османов, тем удивительнее, величественнее и масштабнее в глазах византийцев событие, повлекшее за собой падение их главного врага и религиозного антагониста. «Метаисторическое» значение имеют не действия византийского императора или жителей Константинополя, о которых практически ничего не сказано в источниках, а победа над Баязидом I великого эмира Тамерлана, которому в каждом сочинении отводится особое место.

При этом авторы называют среднеазиатского властителя по-разному в зависимости от выбранного ими стиля и жанра. В проповеди Димитрия Хрисолоры он напрямую не упоминается, лишь говорится: «пришел великий гиперборейский властелин против северного василевса. Тот и другой тираны, наши непримиримые враги и противники города» [13:350(54-56)]. Иоанн Хортасмен, напротив, уделяет великому эмиру достаточно внимания, используя для его описания архаичные этнонимы и образные стереотипы, взятые из античной историографии [5:136-146]. В рассказе Тамерлан фигурирует в качестве «скифа Тимура» [14:108(5), 110(37)] (лишь единожды в заглавии назван «Персом» [14:102(5)]) или «вождем скифов» [14:116(25)], который, происходя «из самых далеких восточных земель, от Суз и Экбатан», выступил «против Баязида, приведя с собой войско, численность которого было трудно сосчитать» [14:108(4-10)]. Самый яркий образ победителя турок рисует автор поэмы «Плач по Тамерлану». С помощью эпитетов, являющихся неотъемлемым атрибутом эпического стиля, автор превращает его в «гиганта-военачальника по имени Темур, из Персии губителя, испытанного в войнах», который был послан самим Богом, видящим невыносимые страдания жителей

Константинополя, на битву с султаном: «И он вступил в сражение с Баязидом. И тотчас захватил его герой Тамирлан» [11:29-30(41-44)].

Деля Ангорскую битву главным объектом своего повествования, византийские авторы игнорируют ход сражения, обращая внимание читателей только на поражение Баязида I. Иоанн Хортасмен особо подчеркивает беспорядочное бегство с поля боя османских солдат и «сатрапов», а также факт пленения турецкого султана вместе со многими его военачальниками [14:112(1-12)]. Более всего византийцев удивляет то, что их злейший враг был побежден и наказан своим же «соплеменником», варваром-мусульманином, таким же врагом христианства, как и он сам. Димитрий Хрисолора пишет следующее: «пожалуй, удивительно, что переживающий осаду город открыт. Еще удивительнее тот факт, что дракон-преследователь исчез. Однако превосходит всякое удивление то, что это произошло по вине [его] соплеменников» [13:354(116-119)]. Ему вторит Иоанн Хортасмен, поражаясь тому, что Баязид I претерпел наибольшие мучения и унижения со стороны человека, «разделяющего то же вероисповедание» и даже «превосходящего его в нечестивости» [14:116(1-5)].

В итоге сокрушительное поражение Баязида I византийцы представляют как справедливое наказание, ниспосланное свыше на их врага за то зло, которое он причинил жителям Константинополя. Судьба султана служит уроком для врагов империи, на страже которой стоит небесный защитник Богородица. Ибо тот, кто некогда желал гибели христиан, как утверждает Димитрий Хрисолора, умер в забвении, «женщин, детей, богатств, городов, рабов и всего другого внезапно лишенный» [13:352(63-64)], в то время как «его монархия стала полиархией или, сказать точнее, анархией» [13:352(77-78)]. «И причина этого всего – одна единственная Дева» [13:352(82-83)] и «человеколюбие Божие»,

использовавшее одно зло (Тимура) в качестве орудия против другого[14:116(30-31)]. Согласно тексту «Плача по Тамерлану», сами турки засвидетельствовали то, как образ Богоматери Одигитрии лично отомстил за византийцев османскому султану, явившись ему, одолев его в сражении и предав в руки врага [11:31(8-96)].

Таким образом, на примере освещения византийскими авторами Ангорской битвы мы попытались показать механизм создания исторического мифа, необходимого для поддержания веры жителей Константинополя в жизнеспособность империи в период кризиса. Ядром этого мифа является сражение 1402 г., главным организатором которого выступает Богородица, небесная покровительница византийской столицы. «Метаисторический» смысл события заключается не только в спасении «царственного града», но и в показательном наказании нечестивого османского султана и его воинства как главных врагов христианства и византийской государственности. Наиболее интересным в данном случае является то, что в качестве инструмента божественной воли выступает варвар-мусульманин, «скиф» Тамерлан, такой же противник христианства, как и Баязид I. Так сражение двух мусульманских правителей, не имеющее прямого отношения к византийской истории, занимает важное место в сознании византийцев и вписывается в христианскую картину мира.

Литература

1. Бибигов М.В. Византийские источники по истории Руси, народов северного Причерноморья и северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 5–151.
2. Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исследования и тексты // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей российских при Московском университете. М.: Унив. тип., 1897.

3. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
4. *Лев Диакон.* История / Пер. М.М. Копыленко; ком. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988.
5. *Шукур Р.М.* Тюрки в византийском мире (1204–1461). М.: Из-во Московского университета, 2017.
6. *Alexander P.J.* The Byzantine Apokalyptic Tradition / Ed. with an introd. by D. de F. Abrahamse. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 1985
7. *Barišić F.* Le siège de Constantinople par les Avars et les Slaves en 626 // Byzantion. 1954. Vol. 24. P. 371–395.
8. *Makk F.* Traduction et Commentaire de l'homélie écrite probablement par Théodore le Syncelle sur le siège de Constantinople en 626. Szeged, 1975.
9. *Barker J.W.* Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick; New Jersey: Rutgers University Press, 1969.
10. *Bernicolas-Hatzopoulos D.* The first siege of Constantinople by the Ottomans (1394–1402) and its repercussions on the civilian population of the city // Byzantine Studies / Études Byzantines. 1983. Vol. 10. P. 39–51.
11. *Brandes W.* Die apokalyptische Literatur // Quellen zur Geschichte des Frühen Byzanz (4.–9. Jahrhundert). Bestand und Probleme / hg. von Fr. Winkelmann, W. Brandes. Amsterdam, 1990. S. 305–322.
12. *Carmina graeca medii aevi* / ed. by *W. Wagner*. Lipsiae, 1874.
13. *Ducas.* Historia Turco-Byzantina (1341–1462) / Ed. V. Grecu. Bucharest: Editio Academiae Reipublicae Popularis Romanicae, 1958.
14. *Gautier P.* Action de grâces de Démétrius Chrysoloras a la Théotocos pour l'anniversaire de la bataille d'Ankara (28 juillet 1403) // Revue des études byzantines. 1961. Vol. 19. P. 340–357.
15. *Gautier P.* Un récit inédit du siège de Constantinople par les Turcs (1394–1402) // Revue des études byzantines. 1965. Vol. 23. P. 100–117.
16. *Hunger H.* Byzantinische Geisteswelt. Von Konstantin dem Grossen bis zum Fall Konstantinopels. Baden-Baden: Holle Verlag, 1958.
17. *Hunger H.* Johannes Chortasmenos (ca. 1370–ca. 1436/37): Briefe, Gedichte und kleine Schriften. Einleitung, Regesten, Prosopographie, Text. Wien; Köln; Graz, 1969.
18. *Hunger H., Hannick C.* Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. Teil 4: Supplementum graecum. Wien,.

19. *Kaldellis A.* The military use of the icon of the Theotokos and its moral logic in the historians of the ninth-twelfth centuries // *Estudios bizantinos*. 2013. Vol. 1. P. 57–75.
20. *Kastritis D.J.* The Sons of Bayezid. Empire Building and Representation in the Ottoman Civil War of 1402–1413. Leiden; Boston: Brill, 2007.
21. *Kyriakidis S.* Warfare in Late Byzantium 1204–1453. Leiden; Boston: Brill, 2011.
22. *Laonikos Chalkokondyles.* The Histories / ed. by A. Kaldellis. Vol. I. Cambridge; London, 2014.
23. *Lecher K.* Byzanz und die Barbaren // *Saeculum*. 1995. Vol. 6. S. 124–143.
24. *Magdalino P.* The End of Time in Byzantium // *Endzeiten. Eschatologie in den monotheistischen Weltreligionen* / hg. von W. Brandes, F. Schmieder. [Millennium Studies 16]. Berlin, 2008. P. 119–133.
25. *Martini E., Bassi D.* *Catalogus codicum graecorum Bibliothecae Ambrosianae*. Vol. II. Mailand, 1906.
26. Medieval Greek texts. Being a collection of the earliest compositions in vulgar Greek, prior to the year 1500 / Ed. with prolegomena and critical notes by *W. Wagner*. L., 1870.
27. *Nastase D.* La chronique de Jean Chortasménos et le dernier siècle d'historiographie Byzantine // *Βυζαντινά Σύμμεκτα*. 1989. T. 8. Σ. 389–404.
28. *Necipoğlu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins. Politics and Society in the Late Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
29. *Omont H.* Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque nationale. Vol. III. Paris: Alphonse Picard, 1888. 407 p.
30. *Pentcheva B.* The supernatural protector of Constantinople: the Virgin and her icons in the tradition of the Avar siege // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2002. Vol. 26. P. 2–41.
31. *Revilla A.* Catálogo de los códices griegos de la Biblioteca de El Escorial. T. I. Madrid: Imprenta Helénica, 1936.
32. *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken. Bd. II. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1977.
33. *Savvides A.* Some Notes on the Terms Agarenoi, Ismailitai and Sarakenoi in Byzantine Sources // *Byzantion*. 1997. Vol. 67. P. 89–96.
34. *Scott R.* The Classical Tradition in Byzantine Historiography // *Byzantium and the Classical Tradition* / eds. M. Mullet, R. Scott. Birmingham, 1991. P. 61–74.